

Научная статья
УДК 332.27 (571/5) «1918»
doi: 10.17223/15617793/475/22

Красноярский банкет полковника М.И. Федоровича 22 октября 1918 г.: «анатомия» политического скандала в условиях демократической контрреволюции

Дарья Леонидовна Шереметьева¹

¹*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, dalas83@yandex.ru*

Аннотация. На основе широкого круга источников изучены обстоятельства и последствия банкета, устроенного 22 октября 1918 г. начальником гарнизона Красноярска полковником М.И. Федоровичем в честь прибытия военных эшелонов иностранных союзников Временного Всероссийского правительства. В результате сделан вывод о присвоении русскими офицерами функций государственной власти и демонстрации ими пренебрежительного отношения к господствовавшим в то время демократическим ценностям и их носителям.

Ключевые слова: М.И. Федорович, офицеры, государственная власть, политические практики, демократия, социализм, монархизм, Гражданская война, Сибирь

Для цитирования: Шереметьева Д.Л. Красноярский банкет полковника М.И. Федоровича 22 октября 1918 г.: «анатомия» политического скандала в условиях демократической контрреволюции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 182–190. doi: 10.17223/15617793/475/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/22

The Krasnoyarsk banquet of Colonel Mikhail Fedorovich on 22 October 1918: The “anatomy” of the political scandal in the context of the democratic counter-revolution

Daria L. Sheremeteva¹

¹*Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, dalas83@yandex.ru*

Abstract. In the article, for the first time, the author analyzes the causes, circumstances and consequences of the banquet that Colonel Mikhail I. Fedorovich, the chief of the garrison of Krasnoyarsk, arranged on 22 October 1918 in honor of the arrival of military trains of foreign allies of the Provisional All-Russian Government. At the banquet, there was a political scandal related to the performance of the anthem of the former Russian Empire “God Save the Tsar!”, which was perceived at the initial stage of the Civil War in Russia as a violation of the norm. The author aims to explain the relations between officers, society and the government in the conditions of the democratic counter-revolution in Yenisei Province, which was the “middle” territory of the anti-Bolshevik political regime in the east of Russia. The research is based on the methods of concrete historical analysis and cultural semiotics. In terms of semiotics, the scandal is one of the basic mechanisms of culture. Deliberate violation of the accepted system of values is aimed at breaking established norms and seizing leadership. External spontaneity, symbolism, excessive emotionality and lack of detailed argumentation are considered as necessary characteristics of a scandal. The research is based on a wide range of diverse sources – periodicals, office documents and materials of personal origin. As a result of the analysis, the author comes to the following conclusions. The main “author” of the political “challenge” was Colonel Fedorovich, the head of the garrison. Along with the organization of a large-scale celebration and the role of its manager, he assumed the representative functions of power. The head of the garrison positioned himself as the first person of Krasnoyarsk and the entire Yenisei Province. In doing so, he violated the basic principle of the democratic counter-revolution, which placed the army out of politics. Fedorovich’s statements that the banquet “did not have a political connotation” refer only to the fact that the head of the garrison and most of the officers of his staff headquarters were not monarchists in the literal sense of the word. They were adherents of the unity of command and patriots of the image of great Russia, which did not then have its own anthem. In addition, the banquet demonstrated the disdainful attitude of the military to the self-government bodies and the slogans of the popular rule. This was a blow to the hierarchy of values of the democratic counter-revolution. All the “incidents” of the banquet and their subsequent interpretations became an expression of the conflict of interests and values of the military and the socialists who fought for power as representatives of self-government bodies and the public. The consequences of the events of October 1918, the public culmination of which was the scandalous banquet, were negative. Krasnoyarsk, which was one of the most democratic administrative centers in Siberia, became a city with the most severe military intervention in political processes and in the life of the population.

Keywords: Mikhail Fedorovich, officers, state power, political practices, democracy, socialism, monarchism, Civil War, Siberia

For citation: Sheremeteva, D.L. (2022) The Krasnoyarsk banquet of Colonel Mikhail Fedorovich on 22 October 1918: The “anatomy” of the political scandal in the context of the democratic counter-revolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 182–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/22

«Армия вне политики» – такого принципа придерживались антибольшевистские Временное Сибирское правительство и Временное Всероссийское правительство на востоке России на начальном этапе Гражданской войны. В армии была запрещена любая политическая пропаганда, военным нельзя было демонстрировать свои идейно-политические позиции, взгляды и мнения. Вместе с тем в условиях войны происходила закономерная милитаризация государственного управления и общественной жизни. Политические установки военных, искусственно (и в значительной мере номинально) выведенные за скобки политических процессов, проявлялись в их действиях.

Внимание общества на политическом поведении офицеров в то время акцентировалось лишь в крайних случаях. Один из них был связан с исполнением гимна бывшей Российской империи «Боже, царя храни» на банкете в Красноярске 22 октября 1918 г. История инцидента в отличие от других подобных ситуаций, когда удавалось избегать широкой огласки, оказалась наглядной благодаря всестороннему изложению событий журналистами, общественно-политическими деятелями и самими военными, участвовавшими в торжественном мероприятии.

В историографии красноярский банкет упоминался в контексте истории международных отношений [1; 2; 3. С. 160–164]. Однако основной конфликт лежал в области внутрirosсийской политики, тогда как международное звучание было лишь поводом для раздувания «инцидента». Изучение причин, обстоятельств, содержания и последствий красноярского банкета поможет пониманию отношений между офицерами, обществом и властью в условиях демократической контрреволюции на востоке России.

Политическая обстановка в Красноярске

На территории от Поволжья до Тихого океана, подвластной антибольшевистским правительствам осенью 1918 г., политический режим контрреволюции представлял собой «лоскутное одеяло», где каждый административный субъект обладал яркой спецификой. В частности, огромная по площади Енисейская губерния с административным центром в Красноярске была «транзитной» между резиденцией правительства в Омске и Иркутском, как местом притяжения оппозиционных деятелей. Через Красноярск проезжали многие политические фигуры и государственные деятели контрреволюции, оставляя каждый свой след, но практически никто здесь не задерживался. Губерния занимала своего рода срединное положение, в котором центристские и центробежные тенденции сталкивались особенно остро и непримиримо.

Административная власть в Енисейской губернии после антибольшевистского переворота 19 июня 1918 г. принадлежала Енисейскому губернскому комиссариату, состоявшему из известных в крае областников В.М. Крутовского и Н.Н. Козьмина, а также их единомышленников П.З. Озерных и П.С. Доценко. Все, кроме В.М. Крутовского, годом ранее были активистами партии эсеров, но с зимы 1918 г. не заявляли о своей партийности. С августа по октябрь 1918 г. должность енисейского губернского комиссара занимал поэт, демократ, мягкий и отзывчивый человек, П.З. Озерных, пользовавшийся всеобщим уважением. Администрация Енисейской губернии организовывала государственное управление, восстанавливала органы самоуправления, боролась с незаконным хранением оружия и армейской амуниции и одновременно стремилась соблюдать демократические права и свободы населения.

В этих условиях в Красноярске уверенно работали периодическая печать, политические партии, профсоюзы и кооперация. Причем партийные организации отличались известным свободомыслием. Эсеры и меньшевики позволяли себе выступать за сохранение Советов как общественных организаций, противиться изгнанию большевиков из органов самоуправления и протестовать против расправ над ними. Местные кадеты оказались ярыми сторонниками идеи диктатуры и агрессивно ее пропагандировали.

Баланс отношений между властью и обществом, питаемый демократической линией енисейской губернской администрации, был хрупок. Положение енисейского губернского комиссара было подорвано в результате острого политического кризиса в лагере контрреволюции в сентябре 1918 г. [4, 5]. После рокировки в высших эшелонах власти П.З. Озерных оказался в роли нелояльного администратора-демократа. Правительство было готово немедленно расстаться с ним, но до середины декабря 1918 г. не могло согласовать подходящую кандидатуру на должность. В этих условиях на управление Енисейской губернией настойчиво претендовали военные.

Михаил Иосифович Федорович (1872–1936)

В первой декаде сентября 1918 г. в Красноярск прибыл новый начальник гарнизона, потомственный морской офицер, герой мировой войны, бывший командующий военно-морской базой в Севастополе и подчиненный А.В. Колчака на Черноморском флоте, капитан 1-го ранга М.И. Федорович. Его политическая биография началась, по всей вероятности, в 1917 г. с тяжелой травмы и ранения черепа, полученными во время бунта матросов [6. С. 564; 7. С. 235;

8. С. 574]. Мощные негативные переживания могли переродиться в устойчивое неприятие всего, что связано с революцией, и реализоваться в последовательные антибольшевистские позиции. В декабре 1917 г. М.И. Федорович уехал в Сибирь [8. С. 574]. Участвовал ли он в свержении советской власти, неизвестно. Однако уже летом 1918 г. он работал комендантом Томска в лагере контрреволюции.

По приказу командующего Сибирской армии, управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова 20 августа 1918 г. М.И. Федорович был назначен начальником гарнизона Красноярска и получил исключительные «права в отношении всех граждан» города. К этому времени он имел звание полковника¹. О вступлении в должность М.И. Федорович объявил 8 сентября и от себя добавил: «Являясь блюстителем законности и порядка, обращаю внимание граждан на неизбежность для представителя власти при ее применении быть суровым» [9].

В течение месяца М.И. Федорович перехватил у енисейского губернского комиссара инициативу по «охране государственного порядка и общественного спокойствия»: с 8 сентября за утайку оружия и военной амуниции стали судить «по законам военного времени»; 19 сентября был учрежден военно-полевой суд; с 22 сентября редакторы всех периодических изданий были обязаны печатать постановления военной власти; с 5 октября все мужчины Красноярска должны были нести гарнизонную службу. Наконец, 8 октября был опубликован приказ командира 1-го Среднесибирского корпуса генерал-майора А.Н. Пепеляева с объявлением Енисейской губернии на военном положении и вручением прав и обязанностей по охране порядка начальнику гарнизона. То есть власть М.И. Федоровича распространилась на все население губернии.

В Красноярске полковник М.И. Федорович проявил себя как энергичный администратор, готовый применять силу в гражданском управлении. При этом блестящий морской офицер вряд ли мог быть удовлетворен службой в сибирской провинции. 10 октября 1918 г. он встретился с контр-адмиралом А.В. Колчаком, проезжавшим через Красноярск по пути в Омск с расчётом на участие во всероссийской политике [10. С. 45]. Для М.И. Федоровича это сулило более привлекательные перспективы военно-политической карьеры.

Организация банкета 22 октября 1918 г.

В октябре 1918 г. в Красноярске ожидали прибытия союзных войск. Английский батальон во главе с полковником Джоном Уордом (J. Ward) должен был дислоцироваться в городе и для него специально подготовили превосходные казармы. М.И. Федорович выступил с личной инициативой организовать торжественный банкет в честь союзников. Такие банкеты англичане воспринимали как обычное дело, как должное проявление дружелюбности принимающей стороны [11. С. 63].

Красноярский банкет организовывался с размахом. Для него было выбрано просторное помещение в большом здании Общественного собрания, приглашен оркестр из немецких и австрийских военнопленных под руководством русского офицера и подготовлено обильное угощение. Заранее были разосланы приглашения со списком выступающих и темами приветственных речей для «представителей Енисейского губернского комиссариата, городского самоуправления, периодической печати и различных обществ города» [12]. Это свидетельствовало о том, что М.И. Федорович рассматривал банкет шире, чем рядовое приветствие союзникам. Он готовил презентацию власти.

Английские военные части прибыли в Красноярск 20 октября. Для города это стало значимым событием, собравшим массу зрителей. В двух общественно-политических ежедневных газетах – официальной «Воле Сибири» и частной «Свободной Сибири» – были опубликованы праздничные передовицы, рисующие образ верных, благородных и патриотичных союзников-англичан [13, 14]. Надежды на помощь, общий позитивный настрой не позволяли никому из приглашенных игнорировать банкет, организованный в честь иностранцев.

Банкет планировалось провести 21 октября, но в последний день мероприятие по неизвестным причинам было перенесено.

Мизансцена красноярского банкета

Банкет состоялся 22 октября. Большинство участников мероприятия составляли военные – штаб гарнизона Красноярска во главе с полковником М.И. Федоровичем, офицеры английского батальона во главе с полковником Дж. Уордом, представители Чехословацкого корпуса во главе с уполномоченным Чехословацкого национального совета Г.А. Лелеком, делегат Польского военного совета М. Богуцкий и комендант польского сборного пункта, подпоручик Земба [11. С. 63; 15; 16. С. 28; 17. Р. 61].

Русские офицеры выделялись нарядной парадной формой. Присутствовавший на банкете крестьянин, член Енисейской губернской земской управы С.С. Медянский переживал: «Я был прямо, как в огне, – кругом блестит. <...> Наши офицеры все в золотых и серебряных погонах, а чехословаки и англичане без всякого блеска, разве только одна пуговка блестит, которую с трудом заметишь» [16]. Погоны в то время воспринимались населением как знак социального неравенства и дореволюционных порядков. Озлобленность общества против погон была хорошо известна и понятна даже генералитету [18]. Тем не менее в Сибирской армии в сентябре 1918 г. были восстановлены погоны, но только защитного цвета [19. С. 178]. В этом свете «золото» на банкете М.И. Федоровича являлось проявлением своеволия офицерства, неприятия и/или непонимания политических условий демократической контрреволюции. Со стороны широких масс населения, социалистических партий, местного самоуправления и органов государ-

ственной власти парадная офицерская форма могла быть расценена как вызов и провокация.

Административную власть на банкете представлял помощник енисейского губернского комиссара, молодой ачинский эсер П.С. Доценко, исполнявший обязанности тяжело болевшего комиссара. Временный глава губернии держался на банкете подчеркнуто отстраненно. С одной стороны, в напряженной борьбе за власть между губернской администрацией и военными доминировали последние, присваивая себе все больше политических функций. С другой стороны, П.С. Доценко был чужим среди красноярских социалистов. Партия его не поддерживала, равно как и он не заботился о ее интересах. Наконец, П.С. Доценко знал: «Иностранцы в Красноярске мне не доверяли, считали большевиком». Накануне банкета он якобы был осведомлен о «реакционных настроениях штабных офицеров» и предупредил М.И. Федоровича о необходимости обеспечить порядок и дисциплину [17. Р. 59].

От органов земского и городского самоуправления на банкете присутствовали председатель Енисейской губернской земской управы, редактор журнала «Земское дело», эсер И.В. Казанцев, председатель Красноярской городской думы, эсер А.Ф. Сергеев, городской голова Красноярска, социал-демократ А.П. Музыкин, председатель Красноярской уездной земской управы Б.Ф. Тарасов, представитель фракции эсеров Красноярской городской думы Ф.М. Чаблис, члены Енисейской губернской земской управы В.А. Кузнецов и С.С. Медянский, а также член Красноярской городской управы, председатель Красноярской организации партии эсеров П.В. Кульков [20].

«Небольшая группка представителей земского и городского самоуправления», – восемь человек в штатском держались обособленно. Весь их внешний вид и угрюмые взгляды не подходили к атмосфере банкета [11. С. 63]. Социалисты явно опасались офицеров и сознавали угрозу вмешательства союзников во внутренние дела страны. Двумя неделями ранее в газете Красноярского комитета партии эсеров «Знамя труда» была опубликована передовица на эту тему, основанная на уже случившихся в Сибири единичных фактах демонстрации офицерами монархических символов и вмешательства союзников во внутренние дела [21]. Обстановка на банкете, парадные офицерские мундиры, соответствовали опасениям и усиливали негативный настрой социалистов.

Среди представителей самоуправления особенно выделялся своим внешним видом И.В. Казанцев. Он был одет в косоворотку и пиджак, подчеркивая тем самым, что является представителем крестьянства, народного большинства. Бравата И.В. Казанцева «а ля мужик» была воспринята офицерами как нетактичность и вызов устроителям банкета. Это предопределило враждебный настрой по отношению лично к нему [22].

Кроме вышеперечисленных, на банкете присутствовали представители торгово-промышленного класса, члены Красноярского биржевого комитета, прокурор Красноярского окружного суда, сотрудник официальной

газеты Енисейского губернского комиссариата «Воля Сибири», сочувствовавший социалистам, и сотрудник частной общественно-политической газеты «Свободная Сибирь», поддерживавший идею установления военной диктатуры [15; 17. С. 61; 23].

Таким образом, присутствовавшие на банкете составляли «карту власти», существовавшую в умах его организаторов. Военные на ней занимали господствовавшее положение, а губернская администрация и органы самоуправления существовали на периферии. Торгово-промышленники и биржевики олицетворяли экономическую подпорку власти. Две из четырех красноярских газет осуществляли информационное обеспечение. За пределами этой ментальной карты оказались партии, профсоюзы и кооперация, имевшие значительное влияние в обществе. Военные считали их сомнительными организациями, готовыми в любой момент «вонзить нож в спину армии».

Банкет

В четыре часа дня М.И. Феорович открыл торжественное мероприятие. Он произнес тост в честь английского короля, британской армии, нации и правительства. Вслед за ним с коротким приветствием в адрес союзников выступил П.С. Доценко.

С ответной речью выступил англичанин Дж. Уорд. Он рассказал о миролюбии и демократичности английской нации, о вынужденном участии в мировой войне, о народном патриотизме. В пространном выступлении он привел цифры о численности британской армии и сообщил последние новости о победах союзников в Бельгии. Этот тост занял довольно много времени и терпения присутствовавших, особенно с учетом того, что его пришлось слушать дважды – на английском языке и в переводе русского офицера.

В следующей серии тостов слово было предоставлено главам органов местного самоуправления. Сначала коротко выступил А.П. Музыкин. Затем встал И.В. Казанцев. Его речь разительно отличалась от предыдущих. Он приветствовал британскую демократию от имени миллионов крестьян Енисейской губернии. Затем в митинговом стиле И.В. Казанцев стал сумбурно распространяться о задачах демократии в целом, размахивал руками и повторялся [15; 17. С. 62; 24].

Выступление, по мнению социалистов, было «вполне лояльным» и «весьма скромным по содержанию» [15, 20]. Однако военные восприняли речь И.В. Казанцева как неуместную бешеную тираду, содержание которой неприлично передать [11, 22]. Офицеры не желали слушать оратора, в зале поднялся шум, крики и свист [22]. Эсер требовал его не прерывать, но в ответ раздался крик: «Большевик! Арестовать его!» [15]. Начальник гарнизона не принял никаких мер для восстановления порядка. За него это сделал Дж. Уорд, попросив переводчика напомнить участникам банкета о традиции произносить речи по одному, а не хором [20].

После выступлений представителей органов самоуправления ответное слово произнес Дж. Уорд. Он говорил о демократии в примирительном ключе, так как сам являлся профсоюзным лидером, членом пар-

ламента, сторонником свободы слова и демократического строя. При этом он развел понятия «демократия» и «чернь» и заявил, что «если русская демократия может рассчитывать на поддержку английской демократии, то чернь этого сочувствия не встретит». Главной же задачей момента он провозгласил объединение народов для борьбы с общим врагом – Германией [15].

Банкет продолжался новыми тостами [23]. Играла музыка, «настроение участников все повышалось», выступавших за шумом и криками было почти неслышно [15].

После одного из тостов оркестр заиграл патриотический марш «Слався, слався!», любимый военными и использовавшийся ранее в Российской империи как один из неофициальных гимнов страны. На музыку М.И. Глинки было положено несколько вариантов текста, один из которых прославлял монарха, другой – русский народ. Символизм музыкального произведения был многослоен и мог трактоваться по-разному. Социалисты называли музыку «славословием самодержцу», «непозволительной демонстрацией монархических настроений устроителей банкета» и «прямым оскорблением демократических чувств представителей органов самоуправления». И.В. Казанцев заявил о недопустимости в республиканской демократической России исполнения подобных славословий, а М.И. Федорович его проигнорировал [20].

Вскоре раздались крики об исполнении «Боже, царя храни!», на этот раз официального гимна бывшей Российской империи. Один из офицеров выскочил на сцену и приказал музыкантам играть. Произошла заминка, оркестр сыграл несколько тактов и часть присутствовавших встала [15, 20, 22]. Несколько офицеров стали силой поднимать со стула сопротивлявшегося И.В. Казанцева. В такой обстановке представители самоуправления решили немедленно покинуть банкет. Однако вывести из зала председателя Енисейской губернской земской управы не получалось. Он пробрался к начальнику гарнизона через пытавшихся удержать его и потребовал слова. На это М.И. Федорович якобы ответил: «Успокойтесь, я сам буду протестовать» [20]. Он распорядился через своего адъютанта остановить музыку и восстанавливал порядок, несколько раз скомандовав офицерам: «Смирно!» [17. Р. 63].

Как вспоминал Дж. Уорд: «Что было в этих нотах, одно небо знает. Но банкет в ту же минуту превратился в сцену невообразимого скандала. Татары и казаки радостно подпевали, старые русские офицеры приказывали оркестру замолчать, тщетно стараясь установить тишину и порядок. Штатские с мрачными лицами, отбросив куда-то броню непроницаемости, бросали проклятия и потрясали сжатыми кулаками, грозя своим военным соотечественникам» [11. С. 64].

После случившегося начальник штаба гарнизона Ясенский объяснял: «Крайне трудно влиять словом на приподнятое вином настроение толпы, а потому успокоить сразу разгоревшиеся страсти не представлялось возможным. Кроме того, начальнику гарнизона много мешал в этом и Казанцев, позволивший себе через стол кричать председателю банкета: “От

чего Вы не протестуете, когда я протестую, я требую... и т.д.» [22].

После демонстративного ухода социалистов и успокоения офицеров М.И. Федорович предоставил слово для следующего приветствия [20]. Затем Дж. Уорд «разряжал атмосферу» пением английских шуточных песен. Когда и иностранные гости покинули мероприятие, банкет «принял характер шумной русской попойки» [15].

Борьба участников «инцидента» вокруг его интерпретации

На следующий день, 23 октября, уполномоченный Чехословацкого национального совета Г.А. Лелек составил донесение о том, что в Красноярске «офицерством была устроена политическая демонстрация за царя», и отправил его по телеграфу уполномоченным Чехословацкого национального совета в Уфе, Челябинске, Томске и Иркутске. Однако телеграмма была задержана в Красноярске, прокомментирована М.И. Федоровичем и перенаправлена командиру IV Восточно-Сибирского корпуса А.В. Элерц-Усову с такими словами: «Никакой политической демонстрации не было, банкет отнюдь не носил политической окраски». Чешскую телеграмму он объяснял «молодостью прапорщика Лелека, не полным пониманием многого в нашей жизни, обстановке и даже языке, а также соседством за столом с г. Казанцевым, который и мог дать совершенно неправильное освещение происходящему» [1. С. 44].

В свою очередь, исполнявший обязанности енисейского губернского комиссара П.С. Доценко написал доклад в министерство внутренних дел Временного Сибирского правительства о скандальном банкете. Он изложил события как пьяный дебош русских офицеров, сопровождавшийся исполнением дореволюционных гимнов [17. Р. 62–63].

Первая публичная реакция на прошедший банкет появилась в прессе 24 октября. Общественно-политическая газета «Свободная Сибирь» опубликовала сразу три текста – передовую статью, хроникерскую заметку и фельетон – речам полковника Дж. Уорда. Журналисты живописали о светлых и сильных патриотических эмоциях, которые владели присутствовавшими в начале банкета. Об остальном газета умолчала, превратив нелицеприятную историю в позитивную новость. Редактор явно манипулировал общественным мнением, давая превентивный отпор социалистической прессе.

Публикациями «Свободной Сибири» социалисты были еще больше обижены и озлоблены. Более того, ощущение угрозы, исходившей от военных, в эти дни резко обострилось слухами о чешском военнопольном суде над деятелями местной советской власти И.И. Белопольским, Г.С. Вейнбаумом, Я.Ф. Дубровинским, А.Ф. Порадовским и В.Н. Яковлевым, который мог закончиться вынесением смертных приговоров. Красноярские эсеры и меньшевики, считавшие большевиков скорее идейными противниками, чем преступниками, 24–26 октября пытались предотвратить кровопролитие.

Однако слухи имели под собой реальную почву, военно-полевой суд действительно вынес смертный приговор. По распоряжению командира 2-й чехословацкой дивизии, командующего Екатеринбургской группой войск Сибирской армии генерал-майора Р. Гайды он был приведен в исполнение в ночь на 25 октября. Военные скрывали эту информацию, предпринимая в свою очередь усилия для предотвращения политических выступлений социалистов. Начальник гарнизона М.И. Федорович решил действовать не силовыми методами, а дипломатическими. 25 октября он лично посетил совет профсоюзов и побеседовал с его членами. На следующий день М.И. Федорович выступил на заседании Красноярской городской думы: «Я здесь человек новый, недавно прибывший, меня никто не знает. Знакомство дало бы возможность узнать, с кем я имею дело и с кем имеете дело вы. По несчастной случайности, я не имею права допускать политических митингов и вынесения политических резолюций... Я считаю, что благоразумная политика начальства заключается не только в том, чтобы карать, но и в том, чтобы предупреждать» [25, 26]. Социалисты восприняли визиты полковника как запугивание и окончательно утвердились в необходимости борьбы против начальника гарнизона.

Представители земского и городского самоуправления составили подробный акт о прошедшем банкете. В этом документе изложение событий подводило к обвинениям против организаторов мероприятия. Одно обвинение заключалось в попустительстве военного начальства нарушению прав, достоинств и личной неприкосновенности деятелей органов самоуправления. Второе было сформулировано витиевато: «Усматриваем в явной демонстрации монархических чувств на официальном банкете, устроенном в республиканской России в присутствии офицеров английской армии, не только оскорбление демократических чувств и республиканских убеждений представителей русского народа, но национальный позор и государственное преступление» [20]. Составители акта требовали наказать виновных, имея в виду начальника гарнизона Красноярска, ответственного за порядок и дисциплину его подчиненных.

Адресатами акта были Временное Всероссийское правительство, командир английского батальона, полковник Дж. Уорд и вся сибирская общественность. Акт был опубликован в ближайшем номере газеты Красноярского комитета партии эсеров «Знамя труда» 28 октября.

Накануне публикации акта редакция красноярской меньшевистской газеты «Дело рабочего» в анонимной статье «Так кончился пир их бедою» сколь могла подробно со своей стороны изложила инцидент и сформулировала наиболее резкий выпад в адрес военных: «Каким образом высшие и ответственные представители армии допустили на политическом банкете черносотенно-монархическое выступление части офицеров, совершенно не понятно» [15].

Поднявшаяся в прессе шумиха о «монархизме» офицеров Красноярского гарнизона оказалась как нельзя кстати М.И. Федоровичу. По всей вероятно-

сти, в эти дни он вел переговоры о возможном назначении в будущее морское ведомство Временного Всероссийского правительства [27], декларировавшего демократические ценности и принципы. Поэтому от обвинений социалистов нужно было защищаться не только по административной линии, но и публично.

Начальник гарнизона в первую очередь подал в суд на редактора газеты «Дело рабочего» за клевету. Только в этой газете было ошибочно написано, что личный адъютант М.И. Федоровича приказал оркестру играть «Боже, царя храни!», и о физическом насилии офицеров в отношении И.В. Казанцева. Следующим шагом стало открытое письмо, составленное начальником штаба гарнизона Красноярска подполковником Ясенским с согласия М.И. Федоровича. В письме заявлялось: «Происшедший инцидент, совершенно не имел подкладки политической демонстрации монархически настроенного офицерства гарнизона и устроителей банкета. Это один из крайне прискорбных эпизодов, к сожалению, очень часто сопровождающих пока что, наши русские обеды и банкеты» [22]. При этом грубое поведение офицеров объяснялось провокационным поведением И.В. Казанцева. То есть военные попытались полностью вывести банкет из политического поля, списав произошедшее на стечение обстоятельств, эмоции и алкоголь. Для смягчения впечатления в письме сообщалось, что в отношении офицера, выскочившего на сцену и приказавшего играть гимн, ведется дознание. Письмо Ясенского было опубликовано в официальной газете «Воля Сибири» 30 октября, затем перепечатано в «Свободной Сибири» 31 октября и в «Деле рабочего» 3 ноября. Таким образом, М.И. Федорович попытался предстать перед общественностью аполитичным.

Последствия красноярского политического скандала для контрреволюции на востоке России

На этом история скандала на красноярском банкете не была закрыта, а, напротив, перешла на высший государственный уровень. На заседании Временного Всероссийского правительства в Омске 30 октября был заслушан вопрос о «красноярском инциденте». Проблема была сформулирована словами составленного социалистами акта: «Устроители красноярского банкета попустительствовали проявлению монархических настроений офицеров и позволили оскорблять представителей республиканской России» [7. С. 191].

Демократическое правительство, избранное на Уфимском государственном совещании, не могло допустить монархических настроений в армии и унижения представителей органов местного самоуправления. Однако, озабоченное борьбой за власть в Омске и трудностями формирования Совета министров, оно ограничились требованием от полковника М.И. Федоровича объяснений по поводу скандала.

Член Временного Всероссийского правительства и Верховный главнокомандующий генерал-лейтенант Г.В. Болдырев в личном дневнике охарактеризовал красноярский банкет так: «Подвыпившее офицерство устроило монархический дебош с пением “Боже, царя

храни». Я заметил, что, видимо, это отвечает их психологии. Другого гимна не создано – образовалась пустота» [28. С. 88] – и взял эту историю на заметку. 15 ноября 1918 г. после того, как сюжет с исполнением офицерами гимна «Боже, царя храни» повторился на банкете более высокого политического уровня в Омске, он издал приказ: «Я неоднократно подтверждал, что армия вне политики, что всякое публичное выявление своих политических симпатий, в какую бы сторону они ни клонились, совершенно недопустимы со стороны представителей армии. Между тем в последнее время все чаще и чаще повторяются крайне возмутительные случаи злоупотребления гимном “Боже, Царя храни”... Я удивлен, что присутствующие старшие, начальствующие лица ни в одном случае не прибегли к аресту виновных и немедленному привлечению их к строжайшей ответственности. В будущем буду считать это преступным бездействием власти. Лица, сознательно или бессознательно вредящие созиданию здоровой дисциплины в армии и спокойному развитию возрождающейся государственности, должны быть немедленно устраняемы из рядов армии» [7. С. 282].

Общественное мнение в масштабах Сибири также проявило озабоченность политическим поведением офицерства. Массовая ежедневная общественно-политическая либеральная газета «Свободный край» в Иркутске 5 ноября напечатала передовую статью с «благожелательной критикой офицерства в интересах возрождающейся России». Это являлось нонсенсом, так как в сибирской прессе того времени господствовал героический образ офицерства. Содержание статьи сводилось к напоминанию принципа «армия вне политики» и предостережению: «Инцидент на банкете в Красноярске, другие, менее значительные казусы, имевшие место и в Иркутске, воскрешают в представлении обывательской массы образ того офицера, который является врагом не только большевиков, но и грозой для мирного обывателя <...>. В общественных кругах зреет недовольство и раздражение по отношению к тем, кто является опорой и основой возрождающейся армии».

Самая цитируемая в Сибири газета «Заря», издававшаяся в Омске, посвятила передовицу от 17 ноября «монархическим инцидентам» и тоже вкрадчиво критиковала офицеров: «Можно быть человеком любых убеждений, но нужно понимать, что дисциплинированная армия для государства в такое время как переживаемое, важнее всего, что офицерство в армии должно быть образцом дисциплины, выдержки, умения хранить свое достоинство».

В самом же Красноярске И.В. Казанцев инспирировал еще одно выступление против офицеров. В журнале «Земское дело», редактором которого он являлся, 15 ноября была опубликована статья «Как мы встречали английских гостей». Текст был написан «для народа», в просторечном стиле и за подписью крестьянина, члена Енисейской губернской земской управы С.С. Медянского. Статья прямолинейно винила офицеров: «Тот, кто набрался здравницы и своих не помнит и даже не помнит, как его из собрания вывели, должно быть действительный царский слуга, та-

ким только и петь “Боже, царя храни”, потому что это при царе введено: пей, только царя поминай, все тебе будет». Текст выглядел особенно вызывающим, так как накануне в Красноярске было введено осадное положение с комендантским часом. Однако наказание редактора журнала откладывалось.

Только после государственного переворота 18 ноября 1918 г., приведшего к установлению на востоке России военной диктатуры А.В. Колчака, М.И. Федорович подписал постановление о закрытии журнала «Земское дело» с изъятием из обращения последнего его номера и привлечением редактора к уголовной ответственности [29]. Социалистические газеты «Дело рабочего» и «Знамя труда» стали выходить со следами цензуры, изымавшей до половины текстов номеров. В связи с этим существование изданий в декабре 1918 г. прекратилось. Органы самоуправления, профсоюзы, партии эсеров и меньшевиков в Красноярске остались без периодической печати.

В декабре 1918 г. М.И. Федорович получил звание генерал-майора, был переименован в контр-адмирала и назначен начальником технического управления Морского министерства Российского правительства. Покидая Красноярск, М.И. Федорович публично поблагодарил офицеров своего штаба за «усиленную работу по удовлетворению всех вопросов текущей жизни, как чисто военных, так и гражданских» и признавал, что «быть может, штаб не всегда успешно справлялся с этой массой дел» [30].

С точки зрения семиотики скандал является одним из базовых механизмов культуры. Умышленное нарушение принятой системы значений нацелено на разрыв утвердившихся норм и захват первенства. Обязательными характеристиками скандала исследователи называют внешнюю спонтанность, символичность, избыточную эмоциональность и отсутствие развернутой аргументации. Все перечисленное присутствовало в истории красноярского банкета 22 октября 1918 г.

Главным автором политического «вызова» являлся начальник гарнизона полковник М.И. Федорович. Вместе с организацией масштабного торжества и ролью распорядителя он взял на себя репрезентативные функции власти. Начальник гарнизона позиционировал себя как первое лицо Красноярска и всей Енисейской губернии. Более того, он надел золотые погоны, символ власти и «возвышения» офицеров над народом. Тем самым М.И. Федорович нарушил принцип демократической контрреволюции, ставивший армию вне политики.

Заявления М.И. Федоровича о том, что «банкет отнюдь не носил политической окраски», касаются лишь того, что начальник гарнизона и большинство офицеров его штаба не являлись монархистами в прямом смысле слова. Они были приверженцами единачалия и патриотами образа великой России, не имевшей своего гимна. Вместе с тем банкет продемонстрировал по меньшей мере пренебрежительное

отношение военных к органам самоуправления и лозунгам народопрравства. Это наносило удар по иерархии ценностей демократической контрреволюции, в которой национальные лозунги уступали демократическим.

Все «инциденты» банкета и их последующие интерпретации стали выражением конфликта интересов и ценностей боровшихся за власть военных и социалистов. Конкретно в Енисейской губернии этот конфликт обострился только в октябре 1918 г. из-за резкого ослабления политических позиций администрации, главам которой до того удавалось сдерживать

амбиции борющихся сторон и поддерживать баланс отношений между военными, обществом и властью.

Последствия скандала были негативными. Красноярск, один из самых демократичных административных центров Сибири, стал городом с самым суровым вмешательством военных в жизнь населения и общественно-политические процессы. Больше других пострадали красноярские социалисты, лишившиеся периодической печати и умножившие заряд сопротивления государственной власти. Военные потеряли часть морального авторитета и утвердились в своей приверженности к силовым методам управления.

Примечания

¹ В документах, официально опубликованных в Красноярске с 8 сентября по 13 ноября 1918 г., М.И. Федорович подписывался как начальник гарнизона, полковник. В связи с этим нуждается в уточнении информация справочника «Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны» (М., 2011), где указано, что М.И. Федорович с 17 по 22 сентября 1918 г. имел звание полковника, а с 23 сентября по 28 декабря 1918 г. – генерал-майора.

Список источников

1. Карпукхин К.В., Овчаров В.В. Экспорт демократии западноевропейского образца в Россию // *The new man in foreign policy*. 2018. № 44 (88). С. 42–47.
2. Конева К.А. Официальные банкеты в контексте публичной политики Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака: презентация образа иностранных союзников // *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых* : сб. материалов конф. / отв. ред. Т.И. Морозова. Новосибирск, 2018. С. 141–151.
3. Конева К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 288 с.
4. Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский «встречный» бой 1918 г. // *Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г.* : межвуз. сб. науч. тр. / ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2001. С. 48–66.
5. Шишкин В.И., Шереметьева Д.Л. Кризис Временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г.: арьергардная схватка в Красноярске // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2013. № 3. С. 53–61.
6. Клавинг В. Гражданская война в России: Белые армии. М. : СПб., 2003. 637 с.
7. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и мат. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.
8. Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. М., 2011. 670 с.
9. Объявление // *Воля Сибири*. Красноярск. 1918. 8 сентября. С. 1.
10. Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // *Вопросы истории*. 2008. № 10. С. 42–62.
11. Союзная интервенция в Сибири (1918–1919 гг.). Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / предисл. И.М. Майского. М. : Пг., 1923. 172 с.
12. Хроника // *Свободная Сибирь*. Красноярск. 1918. 20 октября. С. 4.
13. Красноярск, 20 октября // *Свободная Сибирь*. Красноярск. 1918. 20 октября. С. 1.
14. Красноярск, 22 октября // *Воля Сибири*. Красноярск. 1918. 22 октября. С. 3.
15. Так кончился пир их бедою // *Дело рабочего*. Красноярск. 1918. 27 октября. С. 2.
16. Медянский С.С. Как мы встречали английских гостей // *Земское дело*. Красноярск. 1918. № 4. С. 27–28.
17. Dotsenko P. The struggle for the liberation of Siberia, 1918–1921 / interview conducted by R.A. Pierce. Berkley, 1960. 115 p.
18. Симонов Д.Г., Шишкин В.И. «Введение погон сейчас нежелательно...»: заседание комиссии по вопросу о введении погон в Сибирской армии // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. 2013. Т. 12, № 1. С. 120–125.
19. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 612 с.
20. Акт // *Знамя труда*. Красноярск. 1918. 28 октября. С. 2.
21. Мир и демократия // *Знамя труда*. Красноярск. 1918. 9 октября. С. 1.
22. Письмо в редакцию // *Воля Сибири*. Красноярск. 1918. 30 октября. С. 4.
23. Хроника // *Свободная Сибирь*. Красноярск. 1918. 24 октября. С. 4.
24. Novus. Шумим, братцы, шумим! // *Свободная Сибирь*. Красноярск. 1918. 1 ноября. С. 3.
25. Городское самоуправление // *Воля Сибири*. Красноярск. 1918. 29 октября. С. 3.
26. В городской думе // *Дело рабочего*. Красноярск. 1918. 31 октября. С. 3.
27. Хроника // *Свободная Сибирь*. Красноярск. 1918. 30 октября. С. 3.
28. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания / под ред. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. 652 с.
29. Постановление уполномоченного командира по охранению государственного порядка и общественного спокойствия Енисейской губернии // *Воля Сибири*. Красноярск. 1918. 27 ноября. С. 1.
30. Приказ по красноярскому гарнизону // *Воля Сибири*. Красноярск. 1918. 22 декабря. С. 1.

References

1. Karpukhin, K.V. & Ovcharov, V.V. (2018) Eksport demokratiï zapadnoevropeyskogo obraztsa v Rossiiu [Export of Western-style democracy to Russia]. *The Newman in Foreign Policy*. 44 (88). pp. 42–47.
2. Konev, K.A. (2018) [Official banquets in the context of the public policy of the Provisional All-Russian Government and the Russian Government of A.V. Kolchak: presentation of the image of foreign allies]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchennykh* [Actual Problems of Historical Research: The view of young scientists]. Proceedings of the Conference. Novosibirsk. 27–29 September 2018. Novosibirsk: SB RAS. pp. 141–151. (In Russian).
3. Konev, K.A. (2018) *“Soyuzniki” v politicheskikh narrativakh i simvolicheskikh praktikakh antibol'shevistskogo dvizheniya na vostoке Rossii (may 1918 – yanvar' 1920 gg.)* [“Allies” in Political Narratives and Symbolic Practices of the Anti-Bolshevik Movement in Eastern Russia (May 1918 – January 1920)]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Lar'kov, N.S. (2001) Bor'ba za vlast' na territorii “beloy” Sibiri: sentyabr'skiy “vstrechnyy” boy 1918 g. [The struggle for power on the territory of

- “white” Siberia: the September “oncoming” battle of 1918]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoке Rossii. Problemy istorii. Bakhrushinskiye chteniya 2001 g.* [Civil War in the East of Russia. Problems of history. Bakhrushin Readings 2001]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 48–66.
5. Shishkin, V.I. & Sheremet'eva, D.L. (2013) Crisis of the provisional Siberian government in September 1918: Rearguard battle in Krasnoyarsk. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 53–61. (In Russian).
 6. Klaving, V.V. (2003) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Belye armii* [Civil War in Russia: White armies]. Moscow; Saint Petersburg: AST; Terra Fantastica.
 7. Shishkin, V.I. (ed.) (2010) *Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (23 sentyabrya – 18 noyabrya 1918 g.)* [Provisional All-Russian Government (September 23 – November 18, 1918)]. Novosibirsk: Sova.
 8. Kuptsov, I.V., Buyakov, A.M. & Yushko, V.L. (2011) *Belyy generalitet na vostoке Rossii v gody Grazhdanskoy voyny* [White Generals in the East of Russia During the Civil War]. Moscow: Kuchkovo pole.
 9. Volya Sibiri. (1918) Ob'yavlenie [Announcement]. *Volya Sibiri*. 8 September. p. 1.
 10. Shishkin, V.I. (2008) 1918: from directory towards dictatorship. *Voprosy istorii – Issues of History*. 10. pp. 42–62. (In Russian).
 11. Ward, J. (1923) *Soyuznaya interventsia v Sibiri (1918–1919 gg.)*. *Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada polkovnika Dzhona Uorda* [Allied Intervention in Siberia (1918–1919). Notes of the head of the English expeditionary detachment, Colonel John Ward]. Translated from English. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
 12. Svobodnaya Sibir'. (1918) Khronika [Chronicle]. *Svobodnaya Sibir'*. 20 October. p. 4.
 13. Svobodnaya Sibir'. (1918) Krasnoyarsk, 20 oktyabrya [Krasnoyarsk, October 20]. *Svobodnaya Sibir'*. 20 October. p. 1.
 14. Volya Sibiri. (1918) Krasnoyarsk, 22 oktyabrya [Krasnoyarsk, October 22]. *Volya Sibiri*. 22 October. p. 3.
 15. Delo rabochego. (1918) Tak konchilsya pir ikh bedoyu [So the feast ended with their misfortune]. *Delo rabochego*. 27 October. p. 2.
 16. Medyanskiy, S.S. (1918) Kak my vstrechali angliyskikh gostey [How we met the English guests]. *Zemskoe delo*. 4. pp. 27–28.
 17. Dotsenko, P. (1960) *The struggle for the liberation of Siberia, 1918–1921*. Berkley: [s.n.].
 18. Simonov, D.G. & Shishkin, V.I. (2013) “Introduction of shoulder boards is now undesirable...”: commission meeting on the issue of shoulder boards introduction in Siberian army. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 1 (12). pp. 120–125. (In Russian).
 19. Simonov, D.G. (2010) *Belaya Sibirskaya armiya v 1918 godu* [Siberian White Army in 1918]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
 20. Znamya truda. (1918) Akt [Act]. *Znamya truda*. 28 October. p. 2.
 21. Znamya truda. (1918) Mir i demokratiya [Peace and Democracy]. *Znamya truda*. 9 October. p. 1.
 22. Volya Sibiri. (1918) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Volya Sibiri*. 30 October. p. 4.
 23. Svobodnaya Sibir'. (1918) Khronika [Chronicle]. *Svobodnaya Sibir'*. 24 October. p. 4.
 24. Svobodnaya Sibir'. (1918) Novus. Shumim, brat'sy, shumim! [Novus. Let's make noise, brothers, let's make noise!]. *Svobodnaya Sibir'*. 1 November. p. 3.
 25. Volya Sibiri. (1918) Gorodskoe samoupravlenie [City self-government]. *Volya Sibiri*. 29 October. p. 3.
 26. Delo rabochego. (1918) V gorodskoy dume [In the city дума]. *Delo rabochego*. 31 October. p. 3.
 27. Svobodnaya Sibir'. (1918) Khronika [Chronicle] *Svobodnaya Sibir'*. 30 October. p. 3.
 28. Boldyrev, V.G. (1925) *Direktoriya, Kolchak, interventy. Vospominaniya* [Directory, Kolchak, Interventionists. Memoirs]. Novonikolaevsk: Sibkrayizdat.
 29. Volya Sibiri. (1918) Postanovlenie upolnomochennogo komandira po okhraneniyu gosudarstvennogo poriyadka i obshchestvennogo spokoystviya Eniseyskoy gubernii [Decree of the authorized commander for the protection of state order and public peace of the Yenisei province]. *Volya Sibiri*. 27 November. p. 1.
 30. Volya Sibiri. (1918) Prikaz po krasnoyarskomu garnizonu [Order on the Krasnoyarsk garrison]. *Volya Sibiri*. 22 December. p. 1.

Информация об авторе:

Шереметьева Д.Л. – канд. ист. наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: dalas83@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.L. Sheremeteva, Cand. Sci. (History), junior researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dalas83@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.2021;
одобрена после рецензирования 26.02.2021; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 17.02.2021;
approved after reviewing 26.02.2021; accepted for publication 28.02.2022.